

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Худ. литература, 1971. С. 241 - 240.

Я необыкновенно живо помню этот длинный декабрьский вечер. Я сидел у круглого обеденного стола и при ярком свете висячей лампы читал толстый истрепанный том "Северной пчелы", тот самый милый мне по воспоминаниям том, который я непременно каждый раз заставлял и терпеливо прочитывал с начала до конца, приезжая на рождественские каникулы в Ружичную. Дядя Василий Филиппович сидел против меня в низком и глубоком кожаном кресле, протянув вдоль ковровой скамеечки свои подагрические ноги, обернутые одеялом тигрового цвета. Его лицо оставалось в тени; только страшные белые усищи и трубка между ними попали в светлый круг и рисовались чрезвычайно отчетливо. Иногда я отрывался от книги и прислушивался к метели, разгулявшейся на дворе. Всегда есть что-то ужасное, какая-то угрюмая и злобная угроза в этих звуках, начинающихся глухим рыданием, восходящих по хроматической гамме до пронзительного визга и опять спускающихся вниз. А деревья в это время качаются и гудят своими вершинами, ветер свистит и плачет в трубах, и при каждом новом порыве бури кажется, будто кто-то бросает в ставни горсти мелкого сухого снега. И, когда я прислушивался к этому дьявольскому концерту, моя мысль невольно останавливалась на том, что вот я сижу теперь в ветхом помещицьем доме, затерянном среди унылых снежных равнин, сижу глаз на глаз с дряхлым, больным стариком, далеко от города, от привычного общества, и мне начинало казаться, что никогда, никогда уж больше не окончится это завывание вьюги, и эта длительная тоска, и однозвучный ход маятника...

- Ты говоришь - случайности, - произнес вдруг Василий Филиппович, грузно повертываясь в своем кресле и заслоняясь рукой от света, - а ты знаешь ли, что жизнь иногда возьмет да удерет такую шутку, что никакой твой романист ничего подобного не придумает?..

Я сначала не понял, к чему относилось это восклицание, но потом вспомнил, что у нас за обедом был разговор о безбрежности книжного вымысла, и спросил:

- Почему вы вдруг об этом заговорили, дядя?

- Да так себе... сижу я вот теперь... тихо кругом... на дворе погода... ну и того, знаешь, разная старина в голову лезет... Припомнился мне один случай, вот я и сказал...

Дядя замолчал и долго с томительным кряхтеньем укутывал больные ноги. Потом он начал:

- Собрались мы раз у ротмистра фон Ашенберга на именины. Было дело зимой. А мы, надо тебе сказать, то есть наш N-ский гусарский полк только что воротился тогда из венгерской кампании, и начальство нас расквартировало по омерзительным деревушкам. Глушь и тоска - просто невероятные. Ездили мы, правда, по окрестным попам, - ну, да посуди сам, что ж тут веселого? Оставалось нам только одно - беспросветное пьянство и карты, карты и пьянство. Так мы и положили себе за правило, что

...кто в день два раза не пьян,

Тот, извините, не улан...

Ну, так вот, Собрались мы. Во-первых, штаб-ротмистр Иванов 1-й... Теперь в полках старики плачутся, что измелечал народ и что молодежь никуда не годится. Так же и штаб-ротмистр Иванов 1-й на нас плакался. А надо тебе сказать, что по летам он был самый старший офицер в полку, и все знали (и весь полк этим гордился), что он в свое время с самим Денисом был на ты, а с Бурцевым пил и дебоширил целых шесть месяцев подряд. Затем был майор Кожин - этот славился по всей легкой кавалерии своим изумительным голосом. Черт знает, что за голос был! Иной раз во время хорошей выпивки возьмет стакан, приставит ко рту да как гаркнет. Ну, вот ты смеешься, - а у него, честное слово, одни осколки оставались в руках. Были два поручика - Резников и Белаго; мы их звали "инсепараблями" [1], или мужем и женой, потому, что они никогда не расставались и всегда жили на одной квартире. Был еще казачий есаул Сиротко, или иначе "ежова голова", - потому что он ко всякому слову прибавлял "ежова голова". Потом был корнет граф Ольховский - так себе, телятина, однако ничего... добрый малый, хотя и наивный и глуповатый; его к нам только что из юнкеров произвели... Был также в этой компании поручик Чекмарев, наш общий любимец и баловень. Про него даже штаб-ротмистр Иванов 1-й говорил иногда в добрую минуту: "Вот этот мальчишка... еще куда ни шло, у него кишки в голове гусарские... Этот не выдаст..." Веселый, щедрый, ловкий, красавец собою, великолепный танцор и наездник - словом, чудесный малый. И что к нему особенно привлекало наши грубоватые сердца, так это какая-то